

ВОЛЯ ТЕНЕЙ

АВТОР ТИХОНОВ МАКСИМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Тихонов

Воля теней

Серия «Параллельный мир», книга 2

<https://litres.ru/73909996>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир изменился в одну ночь — когда небо расчертили молнии и замолчали рации. Следом пришли они: двухметровые, почти неуязвимые, и поклоняющуюся богу радиации. Армии великих империй отступают. Фронты рушатся один за другим.

Сержант Алексей возвращается домой после боёв в Каире — и обнаруживает, что Москва тоже стоит на краю. Военное положение, опечатанные кварталы, твари, которых не берут пули. Город держится — но едва.

Теперь у него новое задание: специальное отделение, городские операции, враги, которые не подчиняются ни законам, ни оружию. И меч, который молчит, но режет магических существ как бумагу.

«Воля теней» — тёмное фэнтези о людях, которые продолжают стоять, когда весь мир уже начал падать.

Содержание

Введение	4
Глава 1 возвращение домой	11
Глава 2 Первая операция	41
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Максим Тихонов

Воля теней

Введение

Бакки трясло. Не от страха — страх это когда хотя бы понимаешь, что происходит. Это была другая дрожь: мелкая, бесконтрольная, та, которую не остановить, сколько бы ни сжимал зубы. Три недели. Всего три недели — а казалось, что прошла целая другая жизнь.

Той ночью небо резали молнии — не обычные, ветвящиеся, а хирургически точные. Будто кто-то вспарывал небосвод скальпелем. После каждого разряда оставался слабый фосфоресцирующий след, который не гас три, может четыре секунды. Потом техника встала. Рации хрипели — и замолчали. А потом пришли они.

«Оборотни» — кто придумал это слово, Бакки не знал. Просто однажды услышал, и оно прилипло. Двухметровые, в доспехах цвета обожжённого обсидиана, Кожа — оранжевая, — местами чернела и пузырилась. Их глаза... Он старался в них не смотреть. Оранжевое пламя, живое и холодное одновременно. Пули рикошетили от их защиты, пробивал только крупны калибр. В ближнем бою один мог раскидать пятерых без видимых усилий — не ревя, не напряга-

ьясь. Почти лениво. И радиация. После каждого столкновения выжившие жаловались на жжение изнутри. Через день — кровь. Через три — отказывали органы. Медики называли это «острым лучевым поражением», но никто из них не верил, что понимает, что это такое на самом деле.

— Имперские держатся дольше всех, — прошипел Бакки, вжимаясь спиной в кирпичную кладку, плечом к плечу с Ридли. — Слышал, закрепились в катакомбах под старым арсеналом. Бункеры ещё довоенные, глубокие...

Голос сорвался. Он и сам не знал, зачем это говорит. Может, просто чтобы не молчать.

Солдаты Российской империи были другими. Он видел это своими глазами — не слышал, не читал, а видел. Раненый имперец с перебитыми ногами, не способный встать, дотянулся до автомата и отстреливался, пока не кончились патроны. Потом зубами выдернул чеку гранаты. Успел положить троих. Это не было героизмом в том смысле, к которому Бакки привык по фильмам — это было что-то более тихое и страшное. Как если бы человек просто делал то, что считал единственно возможным. Без колебаний.

Но даже их рубежи теперь трещали.

— Чёрт меня дёрнул, — сказал он сквозь зубы — тихо, себе под нос. — Чёрт меня дёрнул подписать этот контракт.

Ридли не ответил. Что тут скажешь.

Что-то тяжёлое врезалось в землю в двух метрах — не

взрыв, а удар, глухой и массивный, как если бы уронили бетонный блок. Пыль. Осколки кирпича по шлему.

— *Рассредоточиться!* — Бакки уже бежал, зажав «Винчестер» обеими руками. — *Перебежка к северным руинам! По одному, прикрывайте!*

Они бежали вверх по склону. Не тактически, не организовано — просто бежали, потому что внизу было хуже. Камни, корни, скользкая грязь после недавнего дождя. Кто-то упал, поднялся, продолжил. Дышать было тяжело — не от бега, а от этого запаха горелого металла, который они тащили за собой с каждого боя. С каждого дня.

Сзади — смех. Не человеческий. Что-то среднее между скрежетом лезвий и глухим кашлем. Они не спешили.

Первым встал Саймон.

Просто остановился посреди подъёма — резко, как будто налетел на невидимую стену. Руки на коленях. Дыхание рваное, с присвистом.

— Сэр. — Он поднял голову. Лицо в темноте серое, как штукатурка. — *Идите. Я задержу их. Дам вам время.*

— Саймон. — Капитан взял его за плечо. — *Вставай. До гребня ещё триста метров.*

— *И что там?* — Саймон не повысил голос. Просто смотрел — устало, почти без выражения. — *Там что-то есть?*

Никто не ответил.

— *Блокпосты Французской империи — вон.* — Он кивнул

в сторону долины, где в дыму мигали огни. — Они же нас и расстреляют. За отступление. — Потом повернул голову в другую сторону. — А там — Российская империя. — Пауза. — Так куда мы идём?

— Саймон, слушай меня...

— Я не ною. — Он поправил ремень автомата — спокойно, деловито. — Я просто... устал. Давно уже. — Щёлкнул затвором. — Идите, Капитан.

Капитан стиснул зубы так, что заныло в висках.

Саймон выпрямился. Посмотрел на него — не по-уставному, без формализма — так, как смотрят на кого-то, когда знают, что это в последний раз. Потом отдал честь — криво, не по уставу — и развернулся лицом к склону.

Капитан развернулся и побежал дальше. Отряд двинулся за ним.

Первый выстрел прозвучал через тридцать секунд.

Смогу ли я? Как он?

Бакки бежал и думал об этом. Пот заливал глаза, ноги ниже колен перестали чувствоваться — только механические удары подошв о землю. В ушах ещё стояло: Я устал, сэр.

Взрыв ударил сзади — не грохот, а что-то низкое, внутреннее, от которого земля качнулась под ногами.

Потом — тишина. Стрельба прекратилась.

Он не оглянулся. Знал, что там.

Смогу ли?

— Три километра, — сказал он вслух, не зная, кому. — Южнее. Там американцы. Держатся.

Говорил это как заклинание. Или просто чтобы ноги продолжали двигаться.

Ферма появилась из темноты неожиданно — сначала силуэт разрушенного сарая, потом запах. Бакки узнал его раньше, чем увидел что-либо. Медный, тяжёлый, чуть сладковатый. Он уже встречал его раньше.

Потом разглядел пики.

Ржавые металлические пруты, вкопанные в землю. На каждом — голова. Лица застыли по-разному: у кого-то рот открыт, у кого-то — нет. Глаза у всех одинаковые. Пустые, но не спокойные.

Тел не было.

Он упал на колени, и его вырвало — быстро, резко, без предупреждения. Потом просто стоял на четвереньках и дышал. Земля под ладонями была холодной.

Никто из отряда не сказал ни слова.

Не сговариваясь, они заняли позиции среди развалин.

Охотники вышли из-за деревьев не спеша. Шли широко, открыто, как будто у них было всё время мира. Их клыки блестели в темноте, покрытые чёрной слизью. Глаза — алые, почти красивые. Они знали, что мы в западне. И наслаждались этим.

И тут — звук. Низкий рёв турбин, который Бакки почувствовал не ушами, а грудной клеткой.

Вертолёт. Матово-чёрный, тяжёлый, незнакомой конструкции. На борту — орёл. Американский флаг.

— Десять минут, — прошептал Бакки. Он сам не заметил, что сказал это вслух. — Просто десять минут.

Из открытого люка уже свисала верёвочная лестница.

Один из охотников поднял арбалет — массивный, покрытый рунами, с тетивой из чего-то, что реагировало на свет. Механизм взвёлся с тяжёлым щелчком.

Стрела вылетела — и на лету превратилась. Огненная птица с крыльями из живого пламени, она летела не по прямой — летела, как птица, с подъёмом и разворотом.

Потом — вспышка. Удар воздуха. Дождь из металла и горящего топлива.

Лестница горела, падая.

— Как иронично, — хрипло сказал Бакки — не смеясь, просто констатируя. Посмотрел на нашивку у себя на рукаве. Орёл. — Как же иронично.

Арбалеты выстрелили снова. Стрелы долетали до цели — и из них выплёскивались тени. Волки из синего огня. Медведи, оставившие на земле следы инея. Что-то с крыльями и клювом из отполированного металла. Они врывались в отряд — беззвучно, почти деловито.

Болт пробил бронезилет. Бакки почувствовал это как удар кулаком изнутри — резкий, короткий. Упал на спину.

Небо было тёмным, но облака... облака были другими. Серо-синие, почти перламутровые в отблеске горящего верто-

лѣта. Они медленно двигались куда-то.

Странно, — подумал он. Красивые всё-таки.

И больше ничего не подумал.

Глава 1 возвращение домой

Каир всё ещё горел.

Не весь, и не так сильно, как ночью, но огонь не ушёл до конца — он просто переселился куда-то вглубь, под завалы, в подвалы заброшенных домов, в трещины старых стен, которые помнили ещё другие войны и другие пожары. Дым над городом был не чёрный и рваный, как в бою, а серый, ровный, почти спокойный — такой бывает, когда что-то горит уже не от ярости, а по инерции. Просто потому, что ещё не остыло.

Я смотрел на него с пригорка и думал, что победа пахнет именно вот так. Гарью, кровью, которую не успели отмыть с камня, горячим металлом и сырой землёй, которую перекопали так глубоко, что в неё теперь можно было, не торопясь, укладывать мертвецов.

Лагерь позади жил своей утренней жизнью — той медленной, скрипучей, как несмазанное колесо, жизнью, которая всегда наступает после большого боя. Люди двигались без спешки, потому что спешить уже было некуда. Несли воду. Чинили снаряжение. Один солдат, молодой, с повязкой через всё лицо, сидел у палатки и перебирал патроны — считал, раскладывал, снова считал, будто никак не мог поверить, что патроны ещё есть и он сам ещё есть тоже. Где-то

в дальнем конце лагеря пел негромко кто-то один. Слов не разобрать. Просто мотив, монотонный, почти колыбельный.

Костёр напротив меня давно потух.

Только серая горка пепла, в которой ещё угадывались угли, если смотреть внимательно. Я сидел на снаряжном ящике, меч поперёк колен, и не торопился никуда. Голова была пустая. Не в плохом смысле — просто ненадолго опустела от всего того, что в неё набилось за последние недели, и сейчас просто стояла тихо, как вода в стакане, которую перестали трогать.

Андрей появился сзади, плюхнулся на второй ящик с такой основательностью, будто собирался тут жить.

— Кофе нет, — сообщил он.

— Знаю.

— Зато есть вот это. — Он протянул кружку с чем-то горячим. Цвет у жидкости был неопределённый, запах тоже.

— Что это?

— Не спрашивай. Горячее и горькое — уже хорошо.

Я взял кружку. Сделал глоток. Он был прав — горькое.

Мы помолчали. Это было нормальное молчание, не тяжёлое. Мы умели молчать вместе, когда говорить особо нечего, а быть рядом нужно.

- Амен мертв, Повстанцы ушли, — продолжил Андрей.
— Ночью. Через реку, судя по следам. Организованно, без паники. Просто исчезли.

— Все?.

— Нет. Часть перехватили ещё ночью. Остальные... — Он пожал плечами. — Ветер в поле.

Я кивнул.

Это тоже было частью победы, которая пахла дымом. Мы удержали город. Мы выбили основной костяк, сломали им план, отстояли лагерь и гражданских. Это правда. Но часть повстанцев ушла, и я не знал, где они сейчас, куда уходят и что несут с собой: злобу, страх, задание, или всё вместе. Такие вещи редко заканчиваются чисто. Почти никогда.

— Город будет восстанавливаться, — сказал Андрей, словно читая мои мысли. — Османские части уже в трёх кварталах. Видел, как они разворачивают полевые госпитали и раздают хлеб. Порядок будет.

— Нам в этом порядке делать нечего.

— Именно. — Он посмотрел на меня. — Домой?

— Домой.

Он хмыкнул. Не радостно, не грустно — просто как человек, который ожидал именно этого слова и рад, что оно наконец прозвучало.

Я опустил взгляд на меч.

Новый. Я всё ещё продолжал так называть его мысленно, хотя он уже потерял этот статус вчерашнего боя, я к нему быстро привык, а на рукояти успела появиться потёртость там, где я привык держать. Но называть его как-то иначе я пока не мог. Нужно было дать имя этому мечу. Почему-то мне казалась это правильным.

Он был странным.

Тихим — вот это слово, точнее не придумаешь. Старый меч всегда был как живой. А этот молчал. Просто лежал в руке, не требовал ничего, не тянул ни в какую сторону. Обычный кусок металла, если смотреть со стороны.

Но когда дело доходило до дела — он резал магических существ так, будто они были сделаны из бумаги. Не с усилием, не с затратой какой-то особой силы, а просто — взмах, и нет твари. Быстро, точно, без следа. В точности как мой старый меч.

Я провёл пальцем по лезвию. Холодное. Ровное. Тихое. Ладно. Разберёмся.

— Капитан Алексей.

Голос был незнакомый — отчётливый, с акцентом, в котором смешивались несколько языков сразу.

Я поднял голову.

К нашему костру шёл человек в форме — той самой, которую я уже научился узнавать: османские полевые офицеры носили тёмно-зелёное с золотым кантом на воротнике. Этот был высокий, сухой, с коротко стриженной бородой и взглядом человека, который давно привык командовать и при этом не тратить на это лишних слов. За ним шли двое адъютантов, но на шаг позади — не как охрана, а как тени.

— Капитан Рашид, — сказал он, когда подошёл, и коротко кивнул.

Я встал. Андрей тоже.

— Я слышал о вас, — продолжил Рашид, переходя на сносный русский. — Слышал достаточно, чтобы приехать лично.

Он оглядел нас без лишних церемоний — прямо, оценивающе, как смотрят на людей, о которых сложили мнение заочно и теперь проверяют, совпадает ли оно с реальностью.

— Повстанцы уничтожены как организованная сила. Город освобождён. — Он чуть помолчал. — Это ваша работа в том числе. Его Превосходительство Герцберг Каира передаёт вам благодарность лично.

— Герцберг жив? — спросил Андрей.

— Жив. Был эвакуирован в начале конфликта. Сейчас возвращается. — Рашид выразил что-то похожее на сухое удовлетворение. — Он просил передать: когда банковская система города будет восстановлена, финансирование вашей группы будет предоставлено в полном объёме. С надбавкой.

— Когда это примерно? — уточнил я.

— Месяц, может два. Город нужно поставить на ноги.

Я кивнул. Деньги — хорошо. Но сейчас это было не самое важное.

— Нам нужна эвакуация, — сказал я. — В Российскую Империю. Люди, снаряжение.

Рашид не удивился.

— Мы ожидали этого. — Он сделал знак адъютанту, тот шагнул вперёд и протянул небольшой сложенный лист. Рашид развернул его, взглянул коротко. — Грузовой вертолёт.

Недавно отремонтирован, проверен механиком. Готов завтра утром. Маршрут — до северного побережья Российской империи, дальше уже ваша территория. Решать будете сами.

— Спасибо, капитан.

Рашид снова кивнул. Развернулся и ушёл так же, как пришёл — без лишних слов, ровным шагом, с адъютантами в полушаге позади.

Андрей проводил его взглядом.

— Приятный человек, — сказал он. — Слов мало, по делу.

— Ценное качество.

— Согласен. — Андрей потянулся. — Значит, завтра утром?

— Завтра утром.

Гарzog появился оттуда, откуда не ждали, — из-за правого плеча, бесшумно, как всегда. Я уже привык, что валторийцы не подходят, а просто оказываются рядом. Если когда-нибудь вернусь домой и кто-то подойдёт ко мне со спины с нормальным шагом, я, наверное, даже удивлюсь.

Высокий, широкоплечий, в своей серо-коричневой накидке, которая никогда не выглядела ни чистой, ни грязной — просто своей. Лицо закрытое, как почти всегда. Но глаза — прямые, без лишнего.

Он остановился у пепелища костра и долго на меня смотрел. Потом сказал:

— Слышал, уходишь.

— Да.

Молчание. Не тяжёлое. Просто пауза, которую он заполнял по-своему.

— Я видел разных людей в бою, — произнёс он наконец.

— Тех, кто воюет за деньги. За страх. За приказ. За злобу.

— Он помолчал. — Ты воевал за тех, кто рядом. Это другое.

Я не ответил сразу. Не потому что не знал, что сказать, — а потому что это было точно.

— Спасибо, Гарzog.

— Не благодари. — Он покачал головой. — Я говорю то, что есть. — Ещё пауза. — Ты свой. Для нас. Запомни это.

— Запомню.

— Если попадёшь в беду — и нас не окажется рядом — скажи любому валторийцу, что ты друг Гарзорга, они помогут.

Это звучало не как обещание. Как факт. Просто информация о том, как устроен мир.

Он снял с запястья кожаный шнур с медным диском — маленьким, плоским, с выбитым на нём знаком. Не орнамент, не украшение. Что-то между меткой и словом, которое не переводится на другой язык. Протянул мне.

— Знак слова. На удачу.

Я взял. Диск был тёплым, лёгким, убрал его в нагрудный карман.

Гарzog посмотрел на меня ещё секунду, кивнул — коротко, как Рашид, но совсем по-другому, по-своему — и ушёл.

Не оглянулся.

Андрей помолчал.

— Мне кажется, тебя только что приняли в клан, — сказал он.

— Не знаю. Время покажет.

Он почесал затылок и ничего больше не сказал. Иногда это была лучшая реакция.

Сборы заняли два часа. Не потому что было много вещей — потому что когда долго жил налегке, даже немного кажется много. Я проверил снаряжение, упаковал то, что ещё работало, выбросил то, что уже нет. Меч повесил на пояс последним. Потом попросил машину.

Рашид выделил старый армейский джип с водителем. Я назвал адрес гостиницы. Андрей посмотрел на меня странно.

— Гостиница? Мы же уже собрались.

— Там кое-что осталось.

— Что?

— Вещь.

Он сощурился. Андрей всегда шурился, когда начинал угадывать.

— Оружие? — предположил он.

— Нет.

— Документы?

— Нет.

— Деньги?

— Нет.

— Тогда что там у тебя могло остаться?.. — Он думал на ходу, пока мы загружались в джип. — Дневник? Нет, ты не пишешь дневников... Фотографии? Медикаменты?.. Что-то личное?

Джип тронулся. За окном поплыли улицы Каира — серые, местами разрушенные, но уже живые: где-то подметали, где-то вытаскивали из-под завалов доски, где-то просто стояли у стен и смотрели, как утро продолжается без войны.

Я помолчал немного.

— Корона, — сказал я.

Андрей повернул голову.

— Что?

— Корона. Та, которую я нашёл в катакомбах. Я оставил её в номере.

Тишина длилась ровно три секунды.

— Подожди, — сказал Андрей. — Ты нашёл древнюю корону в катакомбах, взял её с собой, прошёл с ней через несколько боёв, добрался до гостиницы и... оставил в номере?

— Ну да.

— Потому что?

— Потому что в бою она мешала. Тяжёлая.

Андрей медленно закрыл глаза. Медленно открыл.

— Лёша, — сказал он с интонацией человека, который изо всех сил держится, — ты понимаешь, что нормальные люди кладут в номере ключи от машины и телефонный зарядник?

— Я оставил и зарядник.

— Я и не сомневался. Но короны — это обычно не забывают! Короны — это носят на голове, прячут в сейф, вывозят в бронированных машинах, а не—

— Я вернусь и возьму.

— Ты её мог потерять!

— Не потерял.

— Ты не знаешь, что с ней!

— Андрей, — сказал я спокойно. — Война. Всем плевать на раздолбанный номер гостиницы.

Он открыл рот. Закрыл. Посмотрел в окно. Потом опять на меня.

— Корону, — повторил он медленно. — Ты оставил в гостинице. Как шляпу.

— У меня нет шляпы.

— Лёша.

— Что?

— Если когда-нибудь напишут книгу про этот поход, — произнёс он с торжественностью человека, делающего важное заявление, — я лично прослежу, чтобы эта история в ней была.

— Хорошо.

— С подробностями.

— Договорились.

Он ещё некоторое время смотрел на меня с видом человека, который не знает — смеяться или печалиться. Потом

всё-таки начал смеяться. Тихо, но по-настоящему — так, как смеются, когда напряжение последних недель наконец находит себе выход в чём-то совершенно несерьёзном.

Водитель покосился на нас в зеркало и снова уставился на дорогу.

Гостиница выжила.

Трещина по фасаду, несколько разбитых окон на втором этаже, и следы сажи там, где горело что-то соседнее. Но стоит. Я поднялся на свой этаж, открыл номер.

Всё было на месте.

Зарядник на тумбочке. Смятое одеяло. Недопитый стакан воды, которому уже несколько недель — он высох почти до дна.

И на столе, Рюкзак в котором была корона.

Я взял её, развернул, посмотрел секунду. Металл потемнел. Камни в оправе — холодные, тусклые, будто ждали. Я снова завернул, убрал в рюкзак поверх остального.

Постоял у окна.

Отсюда был виден кусок города — крыши, по которым я убежал отсюда. Дым вдали, маленькие фигуры людей на улице внизу. Обычная жизнь, которая, несмотря ни на что, продолжается. Всегда продолжается.

Я подумал об Амене. И нашей с ним битве.

Подумал о Гарзоге и его медном диске.

Подумал о новом мече, который тихо молчи. Точно назову его Тихим.

Подумал о том, что Российская Империя сейчас — это не возвращение. Это следующая глава. А что в ней будет, я пока не знал.

Подобрал зарядник, от телефона который вряд ли можно починить. Да и спутников нет. Как сказал капитан все уничтожены в ночь катастрофы. Застегнул рюкзак, вышел из номера.

Андрей ждал внизу, у машины. Увидел меня, увидел рюкзак.

— Нашёл?

— Нашёл.

Он покачал головой с видом человека, который принял это как данность.

Мы сели в джип. Водитель тронулся.

Аэропорт был в получасе езды.

Я смотрел в окно на город, который мы спасли и который уже не нуждался в нас больше — хорошая позиция для отступления, когда тебя уже не нужно здесь, значит сделал то, что должен был. Я думал о том, что каждый раз, когда мир возвращается к чему-то похожему на нормальность, ты сам уже немного другой. Я чувствовал себя целым. С трудом я вернул частички своей души у этого проклятого меча. Который я так хорошо чувствовал рядом с собой в другом пространстве. Или где он прятался когда я его развеивал, так и не понял.

Мы ехали домой.

Вертолёт был рабочей лошадью, а не транспортом для людей.

Это чувствовалось сразу: металлические скамейки вдоль бортов, грубые ремни безопасности, пол в пятнах масла и чего-то тёмного, что лучше было не идентифицировать. Никаких кресел, никаких иллюминаторов с нормальным обзором — только два маленьких округлых стекла по бокам, мутных, с трещинкой на левом. Гул моторов стоял такой, что говорить приходилось громче обычного или не говорить вовсе.

Нас было семнадцать человек.

Я не считал специально — просто прикинул, пока рассказывались. Шестеро наших. Трое раненых из гражданского госпиталя — мужчина средних лет с перевязанной головой, молодая женщина, которая держала руку на перевязи и смотрела в пол, и пожилой врач с маленьким саквояжем, который, кажется, не выпускал из рук ни на секунду. Остальные — гражданские, кто как: семья с двумя детьми, один из которых спал прямо на матери, завернутый в её куртку, двое мужчин в гражданском, которые переглядывались и молчали, пожилая женщина в чёрном, которая сразу достала чётки и начала перебирать их беззвучно.

Рашид лично проводил нас до борта. Пожал руку. Ни одного лишнего слова.

Дверь задраили. Моторы взяли выше.

Каир пошёл вниз.

Я смотрел в иллюминатор, прижавшись щекой к холод-

ному металлу рамки. Сначала был виден аэропорт — бетон, техника, маленькие фигуры в форме. Потом пошли крыши. Улицы, которые сверху выглядели совсем иначе, чем когда ты по ним шёл ночью с оружием. Просто узоры. Линии. Светло-серое и тёмно-серое.

Дым был виден долго.

Не весь город горел — я уже знал это, — но несколько точек ещё тлели, и с высоты их было хорошо видно: тонкие столбы, которые ветер сносил на восток. Я смотрел на них, пока они не превратились в ничто, пока сам Каир не стал просто пятном цвета на карте, а потом и пятно пропало, и под нами осталось только небо и земля.

— Смотришь? — сказал Андрей.

— Смотрю.

— И что видишь?

Я подумал.

— Город, который остался.

Он кивнул.

Мы замолчали. Это было нормально — молчать под рёв двигателей, когда земля уходит вниз и тебе пока не нужно куда идти и ни за кем следить. Просто сидеть. Просто лететь. Это был странный вид отдыха, к которому я не совсем привык, но сейчас принял без возражений.

Женщина с чётками всё перебирала их, не останавливаясь. Беззвучно, но губы чуть двигались. Я не знал, на каком языке она молится и кому, но что-то в этом движении —

ровном, механическом, очень живом — успокаивало само по себе.

Маленький ребёнок, тот, что был завёрнут в куртку, зашевелился. Мать крепче прижала его, не просыпаясь сама. Рядом с ней сидел мужчина — видимо, отец — и смотрел прямо перед собой в ничто с таким видом, будто ещё не отпустило, ещё не поверил, что это всё. Что можно просто сидеть и лететь.

Я его понимал.

Один из двух молчаливых мужчин в гражданском вдруг зажал лицо ладонями. Не громко. Почти беззвучно. Плечи чуть дёрнулись. Его сосед не повернулся — просто положил руку ему на спину и держал так, не говоря ничего.

Андрей это тоже заметил. Отвёл взгляд — деликатно, по-своему.

— Слушай, Лёха, — сказал он через некоторое время, уже тише, наклонившись ближе чтобы гул не съел слова. — А вдруг там тоже всё поменялось? Вдруг мы прилетаем, а там... ну, ты понял.

— Понял.

— Нет, я серьёзно. Мы тут полтора месяца. Это немало. Мало ли что.

— Мало ли, — согласился я.

— И что? Тебя это не беспокоит?

Я подумал по-настоящему, прежде чем ответить. Беспокоит — слишком простое слово для того, что было внутри.

Что-то беспокоит, что-то нет, что-то просто ждёт, когда доберёшься и посмотришь сам.

— Это мы узнаем только когда сядем, — сказал я.

Андрей помолчал.

— Философски, — заключил он.

— Практично.

— Это одно и то же, когда ответа нет. — Он откинулся назад, прикрыл глаза. — Ладно. Буду надеяться на лучшее. Как обычно.

— Ты всегда так говоришь.

— И почти всегда ошибаюсь. Но хоть настроение хорошее.

Я не ответил, но почти улыбнулся.

За иллюминатором было только небо. Чистое, высокое, без единого облака — будто кто-то специально убрал всё лишнее, чтобы между нами и горизонтом ничего не мешало. Земли уже не было видно, только туманная полоса где-то очень далеко внизу.

Я думал о доме.

— Лёха, — сказал Андрей, не открывая глаз.

— Что?

— Ты когда последний раз нормально спал?

Я подумал.

— Не помню.

— Я тоже. — Пауза. — Спи.

— Мы летим.

— Ты не за штурвалом.

Это было разумно.

Я нашёл какое-то относительно удобное положение — насколько позволяла металлическая скамейка и ремень безопасности, — прикрыл глаза и подумал, что вряд ли засну.

Гул двигателей не прекращался, ровный и глубокий, как чужое дыхание.

Я уснул раньше, чем успел это осознать.

Во сне не было ничего — ни боя, ни голосов, ни темноты под Каиром. Просто тишина, которая давно мне не давалась наяву и которую я взял долгом — коротким, на несколько тысяч метров высоты, над чужой землёй, летя домой.

Иногда этого достаточно.

Человек на переднем сиденье так и не обернулся.

Просто сидел, смотрел вперёд, и я успел заметить только: пожилой, короткая стрижка с сединой, прямая спина человека, который привык держаться именно так — не из гордости, а по привычке, вбитой когда-то давно и оставшейся навсегда. Он не говорил. Водитель тоже молчал.

Мы выехали с аэродрома через КПП, и начались окраины.

Я смотрел в окно.

Москва всегда была такой на подъездах — серой, промышленной, бесконечной. Длинные заборы вдоль дороги, трубы, коробки складских корпусов, потом жилые девятиэтажки, плотные, одна за другой. Всё это было знакомо. Я видел это раньше много раз и мог бы смотреть не думая.

Но что-то было другим.

Я не сразу понял что — просто почувствовал сначала. Потом увидел первый блокпост.

Бетонные блоки поперёк второстепенной дороги, четверо солдат в полной экипировке — не двое, четверо, — легковая остановлена, офицер проверяет документы. Обычная сцена, если не знать, что три месяца назад таких блокпостов на этой дороге не было. За солдатами стоял бронетранспортёр. Не показательно, не для вида — просто стоял, развёрнутый башней к лесополосе вдоль дороги. Как будто лес был потенциальным противником.

Я посмотрел на лес.

Тёмный, плотный, мокрый. Обычный. Но у крайних деревьев было что-то — я скорее почувствовал, чем увидел. Тень, которая не совпадала с тем, откуда шёл свет. Потом она пропала, и я не был уверен, что вообще что-то видел.

— Андрей, — тихо сказал я.

— Вижу, — ответил он так же тихо.

Значит, не почудилось.

Дальше пошло хуже.

У путепровода, под эстакадой, лежало что-то на обочине. Накрытое брезентом, наспех, не показанному аккуратно — просто набросили и поставили рядом двух солдат, которые смотрели в разные стороны с оружием наготове. Наша машина притормозила в объезд, и я успел увидеть из-под края брезента: рука. Мужская, в гражданском рукаве. Неестественно

вывернутая.

Водитель смотрел вперёд. Ни слова.

Андрей не пошутил.

Это было красноречивее любых слов — Андрей всегда шутил, когда нервничал, это была его стратегия против любого давления. Но сейчас он просто сидел, смотрел и молчал.

Мы проехали дальше — туда, где начинались жилые кварталы. На тротуаре мало людей для утреннего часа. Те, кто были, шли быстро, не останавливаясь. Никто не смотрел по сторонам дольше, чем нужно. Просто двигались из точки А в точку Б, как будто улица была маршрутом, а не местом, где можно задержаться.

Потом я увидел дым.

Не вдали — относительно близко, за жилыми домами, в двух-трёх кварталах. Густой, чёрный, поднимался столбом. Что-то горело не первый час — такой дым бывает, когда пожар уже не тушат, а только сдерживают. Или просто ждут, пока догорит.

Растяжка над дорогой: «Военное положение. Соблюдайте комендантский час. Будьте бдительны.»

— Лёха, — тихо сказал Андрей.

— Вижу.

— Это когда всё это...

— Не знаю.

Он замолчал.

Потому что ответа не было, и мы оба это понимали.

Мы уехали в одну страну, а вернулись в другую. Не в другое государство — в другое состояние. Когда город начинает так жить — тихо, настороженно, с оружием на каждом втором углу и брезентом на обочинах, — это значит, что что-то уже произошло. Не началось, не готовится — уже идёт.

Дома тоже война.

Я вспомнил тень у деревьев.

— Вы давно не в стране? — произнёс человек с переднего сиденья.

Голос был негромкий, ровный. Без вопросительной интонации.

— Полтора месяца, — сказал я.

— Много изменилось.

— Вижу, — сказал я. — Когда это началось?

Пауза. Машина объехала ещё один блокпост — этот прямо на центральной улице, с двумя БТР по бокам.

— Постепенно, — сказал он. — Сначала ночью небо расчертила молниями и свет пропал. Вместе с ним и связь. Появились первые погибшие. В больницах, аварии на дорогах. Падали самолеты. Потом начали пропадать люди единичные случаи. Потом перестали быть единичными, в городе стали открыто бродить неизвестные науке животные. Пули их почти не брали. — Он помолчал. — Военное положение объявили три недели назад.

— Хищники? Сейчас их нету? — спросил я прямо.

Он повернул голову — самую малость, не обернулся, про-

сто дал понять, что вопрос его не удивил.

— После активных боевых действий и частых военных патрулей в городе стало немного безопаснее.

- То есть сейчас на улицах спокойно?

- В некоторых кварталах. - Другие опечатаны.

Андрей рядом тихо выдохнул.

Не от страха — от того, что худшее предположение оказалось верным. Я его понимал. Когда долго работаешь в поле, начинаешь различать два вида плохих новостей: те, что застают врасплох, и те, которых ждал, но всё равно надеялся, что ошибаешься. Второй вид всегда хуже.

— Какие кварталы опечатаны? — спросил я.

— Юго-восток преимущественно. Часть севера. — Он помолчал. — Там были самые высокие потери в первые дни. Сейчас периметр держится, но внутрь не заходят.

— Совсем?

— Совсем.

Я смотрел в окно.

Мы как раз проезжали мимо длинного забора — свежего, металлического, явно поставленного не для красоты. Поверх шла колючая проволока. Через каждые тридцать метров — фонарь, мощный, промышленный, не городской. За забором ничего не было видно, только верхушки домов — обычные панельные девятиэтажки, тёмные окна, ни движения.

— Пули их не берут, — повторил я вслух то, что он сказал раньше. — Совсем?

— Замедляют. Но

— Что их берёт? — спросил Андрей.

— Тяжелый калибр.

— Много людей ушло из города? — спросил я.

— Часть населения — в первые две недели. Официально — эвакуация. Неофициально — кто успел. — Снова эта пауза, которая была не паузой, а выбором слов. — Те, кто остался — либо не смогли уехать, либо не захотели.

— Которых больше?

— Не смогли. За городом оказалось в разы опаснее.

За окном пошли уже знакомые места — широкий проспект, тяжёлая архитектура имперских зданий, гранит и колонны, которые строили с расчётом на вечность. Они выглядели почти так же, как всегда. Почти — потому что у каждого третьего здания стоял патруль, и у некоторых перекрёстков поперёк дороги лежали бетонные блоки, только сдвинутые к обочинам, чтобы машины могли проехать.

Город держался.

Это чувствовалось — не как спокойствие, а именно как держится. Сжав зубы, не отступив, но и не расслабившись ни на секунду. Москва всегда умела это — стоять там, где другие уже сломались бы. Это было в архитектуре, в людях на тротуарах, в том, как солдаты на блокпостах стояли — прямо, без лишних движений, но и без той деревянной показной выправки, которая бывает, когда всё хорошо.

Они знали, что не всё хорошо.

И стояли.

Серое здание без вывески появилось через десять минут.

Квадратное, тяжёлое, с двойным КПП при въезде и камерами на каждом углу. Те, кто строил такие здания, всегда точно знали, зачем строят.

Машина остановилась у центрального входа.

Человек на переднем сиденье наконец повернулся.

Лицо у него было именно таким, каким я его представлял по голосу и прямой спине: резкие черты, глубокие складки у рта, глаза — внимательные, без лишнего тепла и без лишней холодности. Просто смотрят и оценивают. Привычка, выработанная за много лет работы, в которой ошибка в оценке человека стоила дорого.

Он посмотрел на меня.

Потом на меч.

Потом снова на меня — уже по-другому. Оценивающе.

— Прибыли, — сказал он.

Вышел первым.

Я взял рюкзак, поправил меч и вышел следом. Холодный ветер ударил сразу. Где-то за крышами всё ещё поднимался чёрный дым. На соседней улице — далёкий лязг, короткая очередь, тишина.

Москва держалась.

Андрей встал рядом, поднял воротник.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он тихо.

— Что?

— Я рад, что мы здесь. — Пауза. — Хотя это явно ненормально.

Я посмотрел на него.

— Нормально, — сказал я.

Мы пошли внутрь.

Внутри здание выглядело именно так, как должно было выглядеть.

Длинные коридоры с высокими потолками, паркет, который, наверное, помнил ещё прошлый век и не собирался об этом забывать. Портреты на стенах — люди в форме, люди в парадном, люди с таким выражением лица, будто их попросили смотреть в вечность и они согласились, но с оговорками. Запах — бумага, полироль, старый воздух, который никуда не торопится.

Нас провели через два КПП внутри — молча, без объяснений.

На втором попросили разгрузки и снаряжение. Меч я снял сам и положил на стойку. Солдат у стойки посмотрел на него долго, потом на меня, потом на мою корону в сумке.

— Корону тоже изымать? — спросил он.

Офицер бросил на меня не понимающий взгляд.

- Военный трофей. - сказал я тихо.

— Нет пусть остается. — сказал человек с прямой спиной, шедший чуть впереди.

Сначала нас провели на второй этаж в просторное помещение. Выдали бумагу сказали писать все что происходило

в Каире. Спустя пару часов мы поднялись на третий этаж. Коридор здесь был короче, двери — тяжелее, и между ними больше расстояния. Это всегда означало одно: люди за этими дверями принимают решения, которые занимают много места.

Наш провожатый остановился у последней двери в конце. Постучал. Подождал.

— Войдите.

Кабинет был рабочим — не представительским.

Никакого показного лоска, никаких наград по всей стене, никаких флагов в углу для торжественных случаев. Стол с бумагами, заваленный так, что края папок торчали в разные стороны, несколько карт на стене — Москва, отдельные районы, что-то расчерченное красными маркерами. Пепельница. Два телефона. Стакан с остывшим чаем, о котором, судя по виду, давно забыли.

За столом сидел судя по нашивкам на форме барон.

Лет пятидесяти пяти, может больше. Лицо нестарое, но усталое — не от одной ночи, а от долгого промежутка времени, в течение которого спать получалось мало, а думать много. Очки сдвинуты на лоб, как будто снял их пять минут назад и не успел убрать.

Глаза у него были светлые.

И они смотрели на нас так, как смотрят на людей, которых давно ждали, но не были уверены, что дождутся.

— Садитесь, — сказал он.

Мы сели. Провожатый остался у двери.

Барон взял карандаш, повертел в пальцах, положил обратно. Жест не нервный — просто привычка, способ думать через руки.

— Сержант Орлов. Сержант Клюев. — Он открыл папку, которая лежала прямо перед ним. — Каир. Один был на отдыхе. Второй переведен в посольство., де-факто — боевое сопровождение в зоне активного конфликта. Повстанцы, городские бои, гибель членов группы. — Он перевернул страницу. — И кое-что ещё, о чём в официальном рапорте написано очень коротко, но что, судя по всему, занимало значительную часть вашего времени там.

Он поднял взгляд.

— Мне нужны подробные рапорты. Всё, что вы видели. Что именно встречали, как вели себя твари, что работало, что нет, какие расы, какие повадки. Письменно, подробно, без самоцензуры. — Небольшая пауза. — У нас здесь острая нехватка людей, которые видели это лицом к лицу и остались живы. Всё, что вы знаете — ценно.

— Когда нужны рапорты? — спросил я.

— Вчера. — Он позволил себе тень усмешки. — Но я готов подождать до завтрашнего утра.

Андрей рядом чуть двинулся — я почувствовал это скорее, чем увидел, — и промолчал. Он тоже понимал, куда идёт разговор. Мы оба понимали с первой минуты в этом кабинете.

Барон перевернул ещё одну страницу, потом закрыл папку и отложил её в сторону. Жест простой, но что-то в нём изменилось — официальная часть закончилась, дальше будет другое.

Он снял очки со лба, протёр стекло, надел. Посмотрел на нас без папки, без карандаша, просто так.

— Мы знаем, что вы побывали в аду, — сказал он. — Магия, твари, иные расы. Каир — не исключение из правил, как нам долго хотелось думать. Это часть правил. Новых правил, к которым мы не успели подготовиться. — Он бросил взгляд на карту за моей спиной. — У нас здесь тоже не всё спокойно. Вы видели город по дороге.

— Видели, — сказал я.

— Тогда вы понимаете масштаб.

— Начинаем понимать.

Он кивнул.

— Армия умеет воевать с тем, что можно убить из винтовки. Полиция умеет работать с тем, что подчиняется законам. — Он сделал паузу — короткую, но весомую. — То, что сейчас происходит в городе, не подчиняется ни винтовкам, ни законам. Нам нужны люди с другим опытом. — Он посмотрел прямо на меня. — Вы нужны нам, сержант. Оба. Не как солдаты в общем строю. Как те, кто уже видел это лицом к лицу и знает, что с этим делать.

— Мы не всегда знали, что с этим делать, — сказал я честно.

— Но справлялись.

Я не ответил.

Потому что это была правда, и спорить с ней смысла не было.

— Вас обоих переводят в новое отделение, — продолжил барон. — Военная полиция, специальный профиль. Сформировался недавно. Задача — городские операции против нечеловеческих угроз. Патрулирование опечатанных кварталов, нейтрализация, работа с гражданскими в зонах контакта. — Он положил руки на стол. — Приказ уже подписан. Формально вы можете подать возражение. Неформально — я прошу вас понять, что выбора немного.

Молчание.

Я смотрел на карту за его спиной.

Красные маркеры — кварталы, которые опечатаны. Их было больше, чем я думал, пока ехали. Значительно больше. Они шли не точечно — они шли полосами, охватывая целые районы с запада и юга, и между ними оставались коридоры, по которым, видимо, ещё можно было двигаться.

Пока можно.

Я думал о том, что мы летели домой. Что это слово — домой — значило для меня что-то конкретное: отдых, тишина, время разобраться в том, что произошло и что делать дальше. Время остановиться.

Времени не было.

И потому что, если я честен с собой, — я это знал ещё в

самолёте, когда смотрел на Каир сверху и думал, что победа пахнет гарью. Она всегда так пахнет. И она всегда заканчивается не финальной точкой, а запятой.

— Я посмотрел на него. — Когда приступать?

— Завтра. После рапортов.

Я кивнул.

Барон перевёл взгляд на Андрея.

Андрей сидел с таким видом, будто всё это время внимательно изучал потолок и вот наконец закончил. Потом опустил взгляд, посмотрел на барона, потом на меня, потом снова на барона.

— А можно я просто пойду домой, — сказал он, — выпью и забуду эту командировку как страшный сон?

Барон смотрел на него без выражения.

— Нет? — уточнил Андрей.

— Нет.

— Ну конечно, нет. — Он откинулся на спинку стула и уставился в потолок. — Я так и думал. С самого Каира думал. — Пауза. — Ладно. Где подписывать?

Барон выдал нам по тонкой папке с бумагами, которые нужно было прочитать до утра, назначил куратора — того самого человека с прямой спиной, который встречал нас у трапа, и сказал, что нам можно ехать домой. Наш квартал был условно безопасен. Служебная машина стояла во дворе.

Мы шли по коридору с портретами, по паркету, который помнил прошлый век. За высокими окнами была Москва —

серая, холодная, своя, с красными маркерами на картах и тенями у деревьев на обочинах.

На улице нас ждал военный Уазик.

Глава 2 Первая операция

Машина стояла у выхода — старый военный УАЗ с потрёпанными боками и царапинами вдоль левого крыла, которые уже никто не собирался закрашивать.

— Нам выдали джип, — сказал я.

Андрей посмотрел на меня, потом на УАЗ, потом снова на меня.

— Можешь не пристёгиваться, — сказал он, садясь за руль. — Я за рулём.

Он тронул с места резко, как делал всегда, когда считал, что дорогу нужно брать первым.

Мы выехали на Кольцевую.

Трасса была почти пустой — редкие машины, промежутки между ними непривычно большие для этого времени суток. Я смотрел на полосу встречного движения, на обочины, на лесополосы, которые шли параллельно дороге, и думал, что пустота — это не всегда хорошо. Иногда пустота означает, что люди знают что-то, чего не знаешь ты, и ведут себя соответственно.

Выстрелы донеслись со стороны переулка справа.

Резкие, отрывистые — два, потом третий. Потом женский крик, короткий, но настоящий — не испуганный возглас, а тот, за которым нет продолжения, потому что человек кричит на последнем.

— Тормози, — сказал я.

Андрей уже давил на педаль.

УАЗ скрипнул, повело боком, и мы встали на обочине у поворота в переулок. Мы не переглянулись — просто вышли и пошли, каждый знал, что делать.

Переулок был узким, зажатым между двумя глухими стенами. Мусор по краям, разбитые бутылки, запах сырости и чего-то ещё — металлического, кисловатого, похожего на то, что я уже знал.

Мужчина лежал на асфальте лицом вверх.

Лет сорока пяти, в рабочей куртке. Грудь пробита — что-то прошло насквозь, и кровь уже растеклась под ним широким тёмным пятном, впитываясь в трещины асфальта. Рядом валялся обрез. Выстрел ушёл в стену — я увидел выщербину в кирпиче.

Тварь была чуть дальше.

Я видел похожих в Каире, но не таких. Чёрная, пульсирующая масса — не форма, а её отсутствие, живая лужа, которая двигалась и принимала очертания по мере надобности. Несколько щупалец, тонких, с острыми краями, которые я мог бы сравнить с лезвием, но лезвие хотя бы понятно откуда берётся. Одно щупальце обвило запястье девушки, прижав её к стене. Второе поднималось для удара — медленно, почти лениво, как будто тварь не торопилась.

Девушка была молодой — лет двадцати пяти, не больше. Худощавая, в поношенной куртке с выцветшими нашивками, с растрёпанными тёмными волосами. Серо-зелёные глаза — широко открытые, не отрывающиеся от щупальца, которое шло к её лицу. Она не кричала больше. Просто смотрела.

Меч был уже в руке — я не помнил, как взял.

— Эй! — рявкнул я, подбегая, потому что тварь нужно было переключить на секунду.

Сработало. Щупальце дёрнулось в мою сторону.

Я срезал его у основания одним движением. Чёрная жижа брызнула на асфальт и тут же зашипела — не звук кипения, а что-то, на что у меня не было слова, — и начала разъедать покрытие, оставляя маленькие ямки.

Девушка рухнула на колени — щупальце на запястье ослабло.

Тварь качнулась, как будто не сразу поняла, что произошло. Она привыкла, что её не режут так — быстро, просто, без усилия. Это я уже знал про свой меч: он не просто режет, он режет именно их. По-другому, чем всё остальное.

Я не стал ждать, пока она сориентируется. Вогнал клинок в центр массы.

То, что последовало за этим, было не криком в привычном смысле — это был звук внутри головы, как будто кто-то

ударил по натянутому нерву и тот завибрировал на частоте, которую не слышишь ушами, а чувствуешь за глазами. Тварь вздулась, потом лопнула — не взрывом, а резким выбросом вязкой массы. Капли чёрной слизи дымились там, где попали на асфальт.

Потом тишина.

Я стряхнул клинок от слизи и убрал в ножны которые мне подогнали еще в Каире . .

Андрей подошёл сзади, топор в руке, но убирать не торопился — смотрел на остатки твари, потом на тело мужчины.

— Откуда она взялась? — спросил он у девушки.

Та сидела у стены, прижав колени к груди. Её трясло — не истерика, просто тело делало то, что тело делает после такого, без разрешения хозяина.

— Из него, — сказала она тихо. — Он шёл мимо, начал кричать... упал на колени, выстрелил куда-то... а потом она вылезла. Прямо из него.

Я посмотрел на тело.

Изо рта убитого торчало что-то чёрное — тонкое, как корень, уже неподвижное.

— Значит, они уже и внутри людей, — сказал Андрей. Не вопрос — констатация. Именно с такой интонацией говорят о вещах, которых боялись, но ждали.

Я кивнул.

Ветер прошёл по переулку, шевельнул обрывок газеты у бордюра. Холодный, с запахом пыли и чего-то жжёного из-

далека.

Я присел перед девушкой на корточки.

— Всё закончилось. — Голос у меня вышел ровным — не успокаивающим, а просто твёрдым, потому что сейчас ей нужна была твёрдость, а не мягкость. — Мы военные. Как тебя зовут?

Она подняла голову. Вблизи — пряди прилипли к вискам, царапина на шее, разорванный рукав у локтя. Но глаза уже не метались — смотрели на меня, держались.

— Наташа.

— Твой дом далеко, Наташа?

— Три квартала. — Она показала рукой направление. — Там ещё люди должны быть.

— Нам по пути, — сказал я, помогая ей встать.

УАЗ двигался медленно — Андрей ехал так, когда думал. Наташа сидела сзади, сжимая в руках крестик на цепочке. Не молилась — просто держала, как держат что-то, за что можно уцепиться руками.

Улицы были пустыми.

Я смотрел в окно и думал о чёрном корне, торчавшем из рта мертвеца. Если они уходили в людей — это меняло всё. Не в сторону лучшего.

Её дом оказался серой пятиэтажкой с выбитыми окнами на первом этаже. Мы остановились у подъезда. Дверь висела

на одной петле, скрипела на ветру.

Наташа посмотрела на неё, потом на меня.

— Мне страшно одной, — сказала она. Без украшений, просто как факт. — можно вам попросить помочь. Ненадолго. Просто проверьте квартиру.

Я посмотрел на Андрея.

Он пожал плечами — с таким выражением, которое означало: ты старший, тебе решать, но я своё мнение имею.

— Ладно, — сказал я. — Проверим.

Квартира на третьем этаже пахла пылью, сухими травами и чем-то ещё — старым, как страницы книги, которую долго не открывали. Я включил фонарь.

Полки по всем стенам. Обломки керамики с клинописью, потёртые амулеты, куски песчаника с выбитыми знаками, небольшие статуэтки с отбитыми углами. Не сувениры — экспедиционные находки, привезённые по одной, каждая с историей. Фотографии на стене: Наташа в пустыне, у раскопок, в полевой форме, рядом с людьми, которые явно делали то же самое. На одной — стоит у входа в какое-то подземное сооружение, щурится от солнца, улыбается.

Я поднял с пола кусок папируса.

— Ты археолог.—

Да. — Она начала поправлять что-то на полке, явно успокаиваясь — здесь, среди своих вещей, ей было легче. — Работала в Ливийской пустыне. Сейчас в отпуске, вот не повезло с выбором времени.

— Это настоящие? — Я взял в руку каменный обломок с насечками.

— Большинство. — В её голосе появилось что-то живое — тот огонёк, который бывает у людей, когда речь заходит о том, что им действительно важно. — Вот этот, например, я вытащила из-под носа у ливийских пограничников. Прямо в кармане провезла.

— Серьёзное преступление.

— Серьёзная находка, — возразила она без тени раскаяния.

Мы прошлись по квартире — пусто, тихо, никаких следов. Окна целые, замок на входной двери работает. По нынешним меркам — почти крепость.

— Ладно. — Я убрал фонарь. — Завтра после работы загляну, посмотрю как ты. Договорились?

Она кивнула. Потом добавила — чуть тише:

— Спасибо.

Я не ответил. Просто вышел

В УАЗе Андрей сидел с таким видом, будто всё это время изучал приборную панель и нашёл в ней много интересного.

— Ну что, — сказал он, когда я сел, — договорились о

втором свидании?

— Заткнись.

— Нет, я серьёзно. Ты быстро согласился зайти. — Он тронул с места. — Обычно ты так не делаешь.

— Она одна. Квартира могла быть не пуста.

— Да, конечно, — сказал он с интонацией человека, которому объяснили таблицу умножения. — Профессиональная необходимость. Всё понимаю. — Пауза. — Только не давай ей меч потрогать.

Я не ответил.

Он засмеялся — негромко, по-настоящему, как смеётся человек, которому самому стало немного легче.

За окном шли пустые улицы. Где-то далеко справа над крышами тянулся чёрный дым — тот же или другой, не важно. Я думал о чёрном корне изо рта мертвеца. О том, что это только первый день.

Андрей перестал смеяться и тоже посмотрел в окно.

— Лёха.

— Что.

— Она, кстати, симпатичная.

— Андрей.

— Просто отмечаю факт.

— Я заметил.

— Ну и хорошо, — сказал он удовлетворённо. — Значит, не всё потеряно.

Мы приехали домой и разошлись по квартирам.

Свет в квартире был.

Это было неожиданно — я уже готовился к темноте и фанарику. Просто горела лампа в коридоре, обычная, жёлтая, и это маленькое обстоятельство почему-то ударило сильнее, чем всё, что я видел сегодня. Значит, электростанцию перезапустили. Значит, кто-то всё ещё держит это всё.

Я разулся, прошёл в комнату.

Квартира встретила привычным беспорядком человека, который живёт здесь ровно настолько, чтобы хранить вещи. Диван с мятым пледом в угол. Стол с ноутбуком, несколько чашек рядом — я всегда забывал отнести их на кухню, пока их не собиралось штук пять. На подоконнике — кактус, который я купил три года назад и который каким-то чудом ещё жил, видимо, из принципа. На полу у кровати — стопка книг, которые я собирался читать и не читал. На стене — карта Москвы, приколотая кнопками, старая, с пометками от прошлой работы, которые давно потеряли смысл.

Всё моё. Всё знакомое.

Всё выглядело так, как будто я просто ушёл на день-два, а не полтора месяца.

Я положил меч на стол рядом с ноутбуком — туда, откуда видно дверь, — и открыл крышку.

Интернет работал.

Это тоже было неожиданно. Я смотрел на значок соединения секунды три, прежде чем поверил. Потом начал открывать сайты — один, второй, третий. Большинство не отвеча-

ли, просто белый экран или значок ошибки. Потом нашёл-ся один, который работал: «Московские новости», главная страница, обновлялась несколько минут назад.

Я читал.

Заголовки шли один за другим, и каждый следующий был хуже предыдущего — не потому что становилось хуже, а потому что ты успеваешь привыкнуть к предыдущему и следующий снова сдвигал планку.

«Правительство потеряло связь с двумя третями страны».

«Введено военное положение. Указ Императора от сегодняшнего числа».

«Предприятия переводятся на военные рельсы. Список прилагается».

«Продовольственные карточки. Норма выдачи сохранится до восстановления инфраструктуры».

Последнее я перечитал дважды. Норма выдачи. Инфраструктура. Слова, за которыми прятался простой смысл: не рассчитывайте на скорое возвращение к прежнему. Привыкайте к тому, что есть.

Дальше — сводки по городу. Зафиксированные аномалии, появление враждебных существ, рекомендации держаться от них подальше и немедленно звонить по номеру, который я уже видел на растяжке у дороги. Потом — короткая заметка про новый отряд. Военная полиция, специальный профиль, зачистка прилегающих территорий, пригла-

шаются добровольцы и смельчаки. Написано было именно так — «смельчаки», — и я не знал, восхититься этой наивностью или позавидовать.

Потом — фронт.

Я читал это медленно.

Связь с войсками восстановлена через радиорелейную сеть. Временное перемирие с Французской империей. Подписано три дня назад, срок — месяц, возможно продление.

Я закрыл ноутбук.

Не плавно — просто опустил крышку с достаточно ощутимым стуком, потому что надо было куда-то деть то, что накопилось за последние десять минут чтения. Откинулся на спинку стула. Посмотрел в потолок.

Значит, пока мы были в Каире, мир успел сделать несколько шагов, о которых нас никто не предупреждал. И сейчас он стоит именно здесь — с карточками, военным положением, перемирием с французами и тварями на улицах.

Голова раскалывалась. Есть хотелось давно, но это как-то ушло на второй план — то ли забылось, то ли тело решило, что лучше не сейчас.

Я встал, пошёл на кухню, поставил чайник.

Тук-тук-тук.

Резко. Отрывисто. Три удара, как гвозди.

Я замер у плиты. Посмотрел на коридор.

Подошёл к двери, глянул в глазок.

Артур.

Я почувствовал, как что-то внутри опустилось — не страх, скорее та усталая, тупая досада, которая бывает, когда понимаешь, что этот разговор неизбежен и никакой подходящий момент для него не наступит. За его спиной маячили двое — широкие, молчаливые, с одинаково пустыми лицами людей, которым платят не за инициативу.

Апокалипсис апокалипсисом, а долги по расписанию.

— Алексей Викторович, — его голос был таким сладким, что хотелось проверить, нет ли за ним яда, — я знаю, что вы дома. Мои люди видели, как вы возвращались. Открывайте. Поговорим по-хорошему.

— Денег нет, Артур, — сказал я в дверь. — Ни копейки. Совсем.

— Ах вот как, — он помолчал секунду. — Значит, так говоришь.

Смешок. Лёгкий, будничный. Хуже, чем если бы злился.

— Парни, в сторону.

Я услышал шаги назад — оба отошли от двери. Это было плохим знаком.

Я метнулся в комнату, схватил меч.

— Лучше отступите от двери, Алексей Викторович, — голос Артура стал почти ласковым. — Ради вашей же безопасности.

Я отступил.

Вовремя.

Дверь не взорвалась — она лопнула. Не грохотом, а каким-то влажным, рвущим звуком, как будто металл перестал быть металлом и превратился во что-то другое, менее устойчивое. Осколки — чёрные, обугленные по краям — разлетелись внутрь шрапнелю. Я успел прикрыться клинком, но несколько кусков всё равно нашли руки и бедро. Острые, горячие, сразу. По кисти потекло.

Воздух наполнился гарью и каким-то химическим запахом — не порохом, чем-то другим, незнакомым.

Артур стоял в проёме.

Невысокий, аккуратный, в тёмном пальто без единого пятна. На лице — выражение человека, который огорчён вашим поведением, но всё ещё готов проявить великодушие.

— Говорил же, — сказал он, качая головой. — В сторону нужно было отойти.

Я выпрямился, сжал рукоять. Меч отвечал — не теплом, как мог бы, — но ровной, спокойной вибрацией в ладони. Просто напоминал: я здесь.

— Артур. Я всё отдам. Клянусь. Дай время — ситуация сейчас такая, что—

— Ситуация, — он мягко перебил, театрально разводя руками. — Да-да. Ещё одна отсрочка. Последняя. Как всегда.

Голос стал тише. Мягче. И от этого по спине прошло что-то холодное — не от страха перед ним самим, а от понимания, что он сейчас перестал изображать коллектора и стал собой.

— Не переживайте. Всё уладим.

В его руке появился свиток.

Чёрная кожа — не крашенная, а именно такая, будто она была чёрной изначально, не от этого мира. Надписи на нём горели красным — не отражали свет, а светились сами, пульсировали, будто там внутри что-то живое пыталось выбраться наружу через буквы.

— Я контракты только через юриста, — сказал я.

Артур засмеялся. Его охранники — тоже, глухо, как механизмы.

Я смотрел на свиток и думал, что это уже второй раз за день, когда реальность демонстрирует мне новое дно. Утром — тварь в переулке. Вечером — домовладелец с inferнальным документооборотом.

— Что у тебя за меч? — он вдруг прищурился, переключившись. Смотрел на клинок внимательно, уже иначе — не как на оружие, а как на предмет, который ему что-то говорит. — Брось его, Алексей. Не делай глупостей. Где ты его раздобыл?

Его охранники синхронно достали ножи.

Не обычные.

Лезвия были выточены из чего-то похожего на кость — белёдые, с чуть неровной поверхностью. И они светились. Фиолетовым, слабо, ровно — как приборный индикатор в темноте. Артефактное оружие. Явно не первый год в деле.

— Как видишь, — Артур кивнул на своих людей, — у

моих друзей тоже есть игрушки. — В его свободной ладони снова сформировался чёрный шарик. Теперь от него тянуло холодом — не сквозняком, а глубоким, нутряным холодом, от которого перехватывает дыхание. — А у меня найдётся и пострашнее. Бросай оружие. Последний раз прошу.

Я смотрел на троих в дверном проёме, на фиолетовые лезвия, на свиток, на чёрный шарик в его руке.

Считал.

Если они войдут — пространство маленькое, коридор узкий, это в мою пользу. Меч работает против магических тварей — значит, скорее всего, и против магических ножей. Но их трое, и Артур явно умеет больше, чем кажется.

Плохой расклад.

Дверь подъезда скрипнула.

Андрей занял проём за спинами охранников прежде, чем те успели обернуться. В правой руке — «Кольт» сорок пятого, уже поднят. В левой — топор, привычно, вдоль бедра.

Он оглядел картину спокойно. Методично.

— Незаконное проникновение, — сказал он. — Порча имущества. Применение несертифицированных артефактов. — Взгляд на свиток. — И попытка заключения нелегального контракта с внепространственными сущностями. — Он сделал шаг вперёд. — Серьёзный набор для одного вечера. Всем — оружие на пол. Медленно.

Артур не двинулся.

Я видел, как он просчитывает — быстро, профессиональ-

но, без лишних движений. Двое с артефактными ножами против одного с «Кольтом». Плюс я с мечом сзади. Плюс неизвестно, что ещё есть у Андрея.

Плохой расклад — теперь уже для него.

Чёрный шарик в его ладони растворился с тихим шипением.

— Ладно. — Он поднял руки — необходимо, почти добродушно. — Пожалуй, я немного увлёкся. Мы уходим.

Охранники убрали ножи. Фиолетовое свечение погасло.

Артур повернулся ко мне. Улыбнулся — той улыбкой, которую люди его склада держат специально для финала разговора. Острой. Запоминающейся.

— Найди деньги, Алексей. — Голос — тихий, почти дружеский. — В следующий раз твоего соседа может не оказаться рядом.

— Это угроза? — сказал Андрей.

— Дружеское предупреждение. — Артур приложил руку к груди. — От человека к человеку.

— Валите.

Они ушли не торопясь — именно так, как уходят люди, которые хотят, чтобы ты запомнил: они ушли, потому что сами решили уйти. Охранники на лестнице обернулись один раз — оба, одновременно, с той же пустотой в глазах.

Потом тишина.

Андрей опустил «Кольт». Посмотрел на то, что осталось от моей двери.

-Переночуешь у меня, — сказал он.

Его квартира была с другой планеты.

Я всегда знал, что Андрей живёт иначе, но каждый раз это производило впечатление заново. Воздух — чистый, с запахом сосны и чего-то неуловимо-сладкого, что я так и не идентифицировал за все годы знакомства. Полы чистые. На кухне — порядок, и я имею в виду настоящий порядок, а не тот, который бывает перед гостями.

Я встал у раковины и смотрел, как вода сама, небольшими аккуратными движениями, домывает последнюю тарелку.

— Ты мог бы предупредить, — сказал я.

— О чём?

— О том, что у тебя тут своя экосистема.

— Это все Светик хозяйничит., — пожал он плечами. —

Садись.

-Удобно. А что она разве не только в топоре обитает ?

- Нет . - рассмеялся он потом продолжил - Она дух воздуха который может вселятся в разные предметы . Просто так получилось что она выбрала торор.

Я услышал легкий девесий смех.

Мы сели за кухонный стол из тёмного дерева — массивный, с царапиной наискосок, которую Андрей почему-то никогда не заделывал. На стол прилетели две кружки, хлеб, что-то в банке, которое я в другой день изучал бы внимательнее, но сейчас просто взял.

Молчали.

Это было нормальное молчание — после ненормального дня.

Я держал кружку двумя руками, смотрел на поверхность чая и думал о свитке с красными надписями, о чёрном корне изо рта мертвеца и о заголовке про продовольственные карточки. Три вещи, каждая из которых сама по себе была бы темой для долгого разговора. Вместе — просто первый день дома.

— Лёха, — сказал Андрей.

— Что.

— Этот Артур. Он давно?

— Года два уже . Долг ещё до Каира.

— Ясно. — Пауза. — Артефактные ножи у охраны. Это не коллектор.

— Я заметил.

— Он знал, что у тебя за меч. Почувствовал сразу.

— Тоже заметил.

Андрей покрутил кружку в руках.

— Завтра выясним, кто он такой на самом деле. У нашего начальства должны быть списки магических структур в городе — легальных и не очень.

— Хорошая мысль.

Снова тишина.

За окном Москва жила своей ночной жизнью — не той, что была раньше, а новой, комендантской, с патрулями и редкими огнями. Где-то вдалеке прошла техника — знако-

мый гул, перекатился эхом между домами и стих.

— Андрей.

— Что?

— Спасибо. Что пришёл.

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое бывает у людей, когда им говорят очевидное.

- Пора спать завтра рано вставать .

Так я и уснул прокручивая мысли в голове.

Я проснулся от стука.

Не того, что был вчера — резкого, гвоздевого. Этот был нормальный, три удара, пауза, ещё два. Вежливый. Я лежал на диване Андрея, смотрел в незнакомый потолок и секунды три вспоминал, где нахожусь и почему.

Потом вспомнил.

Встал.

Андрей уже был на кухне — в футболке и трениках, с кружкой, с таким видом, будто просыпался в шесть утра всю жизнь и находил в этом удовольствие. Я никогда не понимал, как ему это удаётся. После таких дней, как вчера, я обычно встаю с ощущением, что меня переехали, а он — как будто просто поспал.

— Стучат, — сообщил он.

— Слышу. Открывать будешь ты или мне сходить?

— Ты ближе.

Я пошёл в коридор. За дверью стоял солдат.

Молодой — лет двадцати двух, может двадцати трёх. Фор-

ма новая, сидит немного не по размеру, как будто выдали вчера и он ещё не успел к ней привыкнуть. Лицо открытое, чуть растерянное, с тем выражением человека, который выполняет первое самостоятельное задание и очень хочет сделать всё правильно.

— Сержант Орлов, сержант... — он смотрел в бумажку, потом на нас, потом снова в бумажку. — Клюев. Да. Меня зовут Вадим, я вас должен... то есть у меня приказ сопроводить. В новую часть. — Пауза. — Сейчас. Ну, в смысле — когда будете готовы.

Андрей посмотрел на него. Потом на меня. Потом снова на него.

— Вадик, — сказал он, — ты завтракал?

Солдат моргнул.

— Никак нет.

— Заходи.

— Я... у меня инструкция—

— Инструкция сопроводить, — перебил Андрей. — Не сказано когда именно. Заходи, выпей чаю. Никуда часть не денется.

Вадик посмотрел на бумажку. Потом на Андрея. Потом убрал бумажку в карман и зашёл.

Я смотрел на это и думал, что Андрей умеет принимать людей с той естественностью, которой я никогда до конца не научился. Я бы, наверное, сказал «хорошо, выходим через пятнадцать минут» — и всё. Он успел усадить незнакомого

солдата за стол и поставить третью кружку прежде, чем тот понял, как это произошло.

Андрей облокотился на стол, подпёр щеку. Пауза. Чайник шумел.

— Ты в первый раз сопровождаешь или уже приходилось?

— спросил он.

— В первый.

— Понятно. — Он взял кружку. — Страшно?

— Нет. Ну... немного.

— Нормально, — кивнул Андрей. — Те, кто говорят «со всем не страшно» — либо врут, либо что-то с ними не так. Ты давно в Москве?

— Полгода. До этого Екатеринбург.

— В бою был уже?

— Один раз. Ночное патрулирование, столкновение с тремя единицами. — Он помолчал. — Я стрелял. Помогло не сильно.

— Ты на колёсах?

— Нет, меня довели на патрульной. Капитан сказал, у вас есть служебная.

УАЗ стоял у подъезда.

— Вадик, ты знаешь где база — тебе и вести. — коротко бросил я и кинул ему ключи.

Вадик сел за руль и ехал аккуратно — по улицам, на которых аккуратность была не вежливостью, а необходимостью. Мы с Андреем сзади. За окном шла Москва — утренняя, се-

рая, с патрулями на перекрёстках и редкими прохожими, которые двигались так же, как вчера: быстро, прямо, без лишних остановок.

— Вадик, — сказал Андрей, — а что за база?

— Промзона, бывший завод. — Он смотрел на дорогу. — Я там недавно, особо не знаю ещё. Говорят, хорошо укреплена.

— Ага, — сказал Андрей. — «Говорят» — это всегда хорошо.

Вадик покосился в зеркало.

— Почему?

Андрей смотрел в окно.

— Значит, есть с чем сравнить.

Вадик обдумывал это до самого поворота и ничего не сказал.

Промзона началась за поворотом с Кольцевой — резко, как переключение канала. Только что были жилые дома, и вот уже — длинные корпуса цехов за металлическими заборами, трубы, пустые стоянки, асфальт в выбоинах, которые никто не собирался чинить.

— Вот, — сказал Вадик.

Я увидел забор раньше, чем он договорил.

Колючая проволока в два ряда — не одна нитка поверху, а двойной контур, и между рядами расстояние метра полтора, которое явно не для красоты. По верху шли толстые кабели. Они гудели — почти неслышимо, на той частоте, которую не

столько слышишь, сколько чувствуешь в зубах, если стоишь достаточно близко.

У тяжёлой бронированной двери КПП — двое в чёрной форме с алыми нашивками на плечах.

Я посмотрел на их глаза.

Они мерцали. Влажно, неестественно — как поверхность воды под фонарём, только внутри радужки.

— Артефактные линзы, — тихо сказал Вадик, глуша мотор. — Видите того, со шрамом от виска до подбородка? Он различает тепловые следы часовой давности. Может идти по следу через три стены. — Пауза. — А второй видит магический след за километр. Буквально как гончая.

Андрей смотрел на них в лобовое стекло.

— И им не больно? — спросил он негромко. — С такими линзами?

— Не знаю, — честно сказал Вадик. — Они не жалуются. — Или просто не говорят.

Тот, со шрамом, повернул голову в нашу сторону — точно, без колебаний, как поворачивается человек, который услышал своё имя.

— Выходим, — сказал я.

Внутри пахло металлом, холодным бетоном и чем-то, чему у меня не было названия — не неприятным, просто нездешним, как будто воздух здесь прошёл через что-то, прежде чем стать воздухом.

Тамбур был обшит стальными листами — без щелей, с

заклёпками в каждые двадцать сантиметров. Серьёзно. Тот, кто проектировал вход, думал не о том, чтобы сдержать людей. О чём-то другом.

— Сначала форма и снаряжение, — сказал Вадик. — Идёмте, покажу.

Женщина за столом под лампой дневного света была из тех людей, чей возраст не определишь с первого взгляда. Серая коса, тугая, без единой выбившейся прядки. Взгляд человека, который видел достаточно всего и давно перестал удивляться.

— Орлов? — она не подняла глаз от бумаг.

— Он самый.

— Форма по размеру. — Короткий жест в сторону стула с аккуратно сложенным комплектом. — Переодеться там.

— Откуда знаете размер?

Она поставила галочку.

— Знаю. — Пауза. — Данные были в вашем деле.

Андрей рядом чуть двинул плечом — это означало: не спрашивай дальше, иди.

Кабинка была тесной, со стенами в трещинах и слоями облупившейся краски, в которых угадывалось несколько цветов — зелёный, серый, снова зелёный. Пол скрипел. Из-под двери тянул сквозняк, будто где-то за стеной был не просто другой цех, а другая температура.

Я взял костюм.

На ощупь — неожиданно лёгкий. Прохладный, как будто

хранился в холодильнике, хотя это было невозможно. Плотный при этом — не как тяжёлая ткань, а как что-то, у чего другая структура, не совсем понятная пальцам. На груди, спине и плечах — вшитые пластины с серебристыми прожилками. Я провёл по одной большим пальцем: холодная. Не как металл на морозе, а просто — своя температура, независимая.

Я переоделся.

Костюм сел хорошо — как будто его делали под меня, хотя я не давал никаких мерок. Пах химической чисткой.

Громов ждал нас в комнате, которая раньше, судя по всему, была мастерской — верстаки вдоль стен, крюки под потолком, следы от станков на бетонном полу. Теперь посередине стоял простой стол, несколько стульев и доска с картой Москвы, разлинованной так же, как та, что я видел в кабинете барона, только подробнее.

Капитан был из тех людей, которых сразу читаешь правильно: лет сорока, плотный, без лишнего, с короткой стрижкой и шрамом на тыльной стороне правой кисти — старый, давно белый, от чего-то острого. Лицо спокойное, не каменное — именно спокойное, как у человека, который давно решил не тратить энергию на то, что не требует реакции прямо сейчас.

Когда мы вошли, он стоял у доски, смотрел на карту и пил кофе. Не обернулся сразу — дал нам войти, оглядеться, поставить нас в пространстве. Потом повернулся.

— Орлов, Клюев, — сказал он. Не спросил — просто назвал, как называют вещи, которые уже знают. — Громов. Садитесь.

Мы сели. Он поставил кружку на стол, посмотрел на нас — не долго, но внимательно, по-настоящему, как смотрит человек, который привык читать людей с первого взгляда и не всегда доволен тем, что читает.

— Как вы готовы к службе?

— Так точно — сказал я.

Громов кивнул — коротко, как будто это что-то подтвердило.

— Хорошо. — Он взял маркер, не глядя на доску. — Тогда не буду тратить время на введение, сразу по делу. Мне сказали, вы быстро схватываете — проверим. — Небольшая пауза. — Если что-то не ясно — перебивайте сразу. Потом будет некогда.

Он повернулся к карте.

— Классификация. Три рабочих категории. Первая — неразумные. Инстинкт, территория, охота. Пуля обычная их не берёт — замедляет, не больше. Магическая броня от природы, как панцирь, только встроенный. Таких большинство. Эффективен либо тяжелый калибр. Либо артефакты.

Он сделал пометку.

— Вторая — те, кто магией пользуется активно. Маскировка, дистанционная атака, укрытия. С ними шаблон не работает — запомните это. — Пауза. Он посмотрел на нас. —

Я говорю «запомните», потому что каждый, кому я это говорил, кивал и думал «понял» — а понял только после первой встречи. Так что просто запомните слова, смысл придёт потом.

— Хорошо, — сказал Андрей.

— Третья. — Громов написал цифру. — Разумные. Оценивают противника, принимают решения, иногда говорят. Сколько таких в городе — не знаем точно. Это основная проблема на сегодня.

— А выше третьей? — спросил я.

Он посмотрел на меня. Не недовольно — просто посмотрел, чуть дольше обычного.

— Есть.

— И?

— И пока не ваш вопрос. — Он вернулся к доске. — Вопросы по классификации?

— Один, — сказал я. — Не по классификации.

Громов опустил маркер. Развернулся. Этот жест означал: говори, слушаю по-настоящему.

— Вчера вечером к нам пришёл человек. Коллектор, долг. Применил какой-то артефакт против двери — взорвал её. И у его охраны были ножи. Костяные, с фиолетовым свечением. — Я посмотрел на Громова. — Что это и откуда у гражданского бандита?

Громов не удивился.

Это само по себе было ответом.

— Имя?

— Артур. Фамилию не знаю.

— Опишите ножи точнее.

— Лезвие похоже на кость — белёсое, с неровной поверхностью. Свечение фиолетовое, ровное, не мигает. Холод от них шёл.

Громов помолчал секунду. Потом сел на край стола — не потому что устал, а потому что тема требовала другого разговора, не стоячего.

— Артефакты. — Он сложил руки. — Когда появились первые твари, кто-то быстро сообразил: в костях убитого зверя остаётся магия. Не вся, но остаётся — как тепло в камне после огня. Если правильно обработать, получается оружие, которое действует против других магических существ. — Он кивнул на мой пояс, туда, где меч. — Принцип похожий на то, что у вас.

Я ничего не сказал. Видимо, он читал мой рапорт.

— Армия сейчас использует тот же принцип для боеприпасов. Измельчённая костная масса в патронах. Значительно упрощает работу. — Пауза. — Что касается вашего Артура — значит, у него есть источник. Либо сам добывает, либо покупает. Ни то ни другое не законно. — Он посмотрел на меня прямо. — Запишите имя, после инструктажа сдайте рапорт дежурному.

— Он сказал, что вернётся.

— Вернётся — звоните. — Громов встал. — Ещё вопро-

сы?

Андрей и я отрицательно покачали головой.

Он взял папку со стола.

— Идёмте. Оружие получать.

— Я провожу, — сказал Вадик от двери — всё тем же ровным тоном, как человек, который повторяет эту фразу уже несколько раз в день и давно перестал вкладывать в неё эмоцию.

Я шёл по коридору и думал о том, что Громов сказал про артефакты. Кости убитых тварей хранят магию. Заточи — получишь оружие. Измельчи — получишь боеприпас. Просто, почти хозяйственно, как будто речь о заготовке на зиму, а не о магии, которой месяц назад не существовало в официальной картине мира.

Оружейка была за решёткой в конце коридора.

Оружейник — толстый, в промасленной куртке, с ветошью в руке, которой он вытирал руки просто по привычке, потому что они уже давно были чистыми, — молча поставил передо мной пистолет.

Матово-чёрный. Увесистый. «ТК-19» на затворе — гравировка, не наклейка.

— Патроны, — сказал он.

Коробка легла на стол. Я открыл.

Патроны выглядели не так, как должны выглядеть патроны. Внутри гильз что-то перекатывалось — тёмное, масля-

нистое. Я наклонился ближе. Оно двигалось само. Без внешней причины.

— «Голодные», — сипло пояснил оружейник. — Пробивают любую известную броню, любое магическое укрепление. — Он помолчал так, как молчит человек, которому важно, чтобы следующую часть запомнили. — Но стреляй только по целям. Уронишь на асфальт — сожрут всё, до чего дотянутся. Проводку, бетон, ногу товарища рядом. Без разбора.

Я смотрел на коробку.

— И ещё. — Он ткнул пальцем в журнал на краю стола. — Все наперечёт. По каждой потраченной пуле — письменный отчёт. Куда стрелял, во что попал, результат. Без исключений.

— А если промахнулся?

— Тогда особенно подробно.

Андрей за моей спиной тихо кашлянул.

Я его понимал. Сам думал примерно то же самое: где-то в городе ходят твари третьей категории и, военное положение уже три недели — а где-то в этой системе сидит человек, который придумал отчёт по каждой пуле. Бюрократия — бессмертна. Это почти успокаивало.

Я взял коробку аккуратно, как берут вещи, которые не роняют дважды.

— Вопросы? — спросил оружейник.

— Один. Если они живые — что едят, когда не использу-

ются?

Он посмотрел на меня поверх стола. Долго. С выражением человека, которого уже спрашивали это, и ответ ему самому не нравится.

— Не задавай вопросы, ответы которые тебя не касаются.

Андрей за спиной сдержался секунды три. Потом не сдержался — я слышал, как он тихо смеётся в кулак, пока мы шли обратно по коридору. Это был настоящий смех, не нервный, — просто нашёл что-то смешное и взял. Это тоже его способ держаться.

Через два шага он перестал.

Потому что коридор вывел нас в большой цех.

Люди стояли посередине — шестеро, в такой же чёрной форме с алыми нашивками. Смотрели на нас так, как смотрят на тех, с кем скоро идти в одну сторону: коротко, оценивающе, без лишних выражений. Не враждебно. Просто — смотрели.

Это и был отряд.

Наш отряд.

Я остановился на пороге. Подумал: вот оно. Другие стены, тот же запах. Металл, холод, незнакомые люди, которые станут известными быстрее, чем хотелось бы, — потому что здесь узнают друг друга не за ужином и не за разговором, а иначе, по-настоящему, в единственный способ, который не оставляет сомнений.

Громов вошёл следом, встал

— Готовьтесь, — сказал он, убирая папку. — Есть вызов. Проверим вас в деле.

Он сказал это так же, как говорил всё остальное — ровно, без театра. Как будто «проверим в деле» и «проверим документы» для него примерно одинаковые по весу фразы.

Я посмотрел на Андрея.

Он посмотрел на меня.

— Ну, — сказал он, — хорошо, что позавтракали.

УАЗики шли быстро — наш впереди, второй за нами, и Вадим явно не считал нужным притормаживать на поворотах. Я сидел сзади, зажатый между Андреем и одним из новых бойцов — крепким, молчаливым, с татуировкой на шее, которую я не успел рассмотреть. Улицы снаружи были пустыми, как всегда сейчас. Город умел делать вид, что его нет.

Минут через десять мы остановились.

Площадь перед бывшим супермаркетом — большая, открытая, с разбитыми витринами и опрокинутыми тележками у входа. Посередине площади стоял туман.

Не тот туман, что бывает утром над водой. Этот был чёрным и плотным, как будто кто-то набил пространство углём. Он не двигался от ветра, не расплывался по краям — просто стоял, живой, сдержанный, как будто ждал чего-то.

Из него доносился детский смех.

Чистый. Звонкий. Совершенно неуместный здесь и сейчас — именно это делало его невыносимым.

— Чёрт, — прошипел боец с татуировкой. Голос у него

стал на тон выше, чем был в машине. — Это «Кукольник».

— Что это? — тихо спросил я у Вадика.

— Потом, — сказал он. — Сейчас увидите сами.

Туман расступился.

Трое детей стояли посреди площади. Бледные — не как больные, а как фарфор, как что-то, у чего под поверхностью нет крови. Лица правильные, почти красивые. И улыбки — растянутые до ушей, неподвижные, как нарисованные.

— Оружие на поражение, — сказал Громов. Спокойно, как «оружие к осмотру».

Один из «детей» дёрнулся.

Рука вытянулась — не как рука, а как то, что притворялось рукой и теперь перестало притворяться. Три метра косяного щупальца с иглой на конце, и игла ушла в бронежилет ближайшего бойца раньше, чем тот успел отреагировать. Хруст. Боец упал на колени, держась.

— Огонь!

Я выстрелил в первого.

«Голодный» патрон работал иначе, чем обычный — не просто удар, а что-то внутри после удара, что-то, что разбило цель изнутри. Тело первого «ребёнка» разошлось пополам, и оттуда хлынул поток чёрных извивающихся червей — они жили секунды три и рассыпались прямо на асфальте.

Андрей справа ударил из «Кольта» — синяя вспышка, голова второго исчезла.

Громов метнул нож обратным хватом. Третий упал.

Я стоял и смотрел на троих мёртвых — или уже не мёртвых, потому что они никогда и не были живыми в том смысле — и думал, что это было слишком быстро. Три твари, несколько секунд. Так не бывает.

— Слишком легко, — пробормотал я.

— Потому что это не Кукольник, — тихо, сквозь зубы сказал боец с татуировкой. — Это приманка.

Земля под ногами дёрнулась.

Асфальт лопнул — не по трещине, а сразу, широко, как будто под ним не грунт, а что-то живое, которое устало ждать. Щупальца толщиной с бетонный столб вырвались наружу — три, четыре, пять. Одно обвило наш УАЗик. Металл корпуса захрустел — медленно, с чувством, как сминают пустую жестяную банку.

— Андрей, полумразумная! — крикнул я, отпрыгивая.

— Вижу! — он уже катился в сторону, и щупальце ударило туда, где он стоял, оставив в асфальте вмятину.

— Построение три! — Громов не повышал голос, просто говорил так, чтобы слышали все. — Рассредоточиться!

Бойцы разбежались по укрытиям — слаженно, без толкотни. Открыли огонь по основаниям щупалец. Тварь злилась — это чувствовалось в том, как менялся ритм её атак. Обломок смятого УАЗа полетел в сторону стены. Одного из наших накрыло дверью — прижало к кирпичу. Живой, кричит. Это хорошо — кричат живые.

Андрей шёл вперёд пригнувшись, расстреливая основа-

ния щупалец, в другой руке топор. С лезвия время от времени срывались серповидные волны .

Я сменил позицию, перезарядил.

— Магазин пуст, — сказал я вслух, больше себе.

Меч был в руке раньше, чем я принял решение его взять.

Я пошёл на тварь.

Движение, уклон, удар — лезвие рассекло щупальце у основания, оставив в воздухе синий след. Из среза хлынула кровь — густая, почти фиолетовая.

Пахло клубникой.

Я остановился на долю секунды — не от страха, просто от абсурда. Тварь размером с дом, полуразумная, с щупальцами толщиной в столб, и пахнет клубникой. Каир хотя бы пах как следует.

Доля секунды — это было лишнее.

Четыре щупальца пошли на меня одновременно с разных сторон. Я просчитывал траектории и понимал, что не успею — математика была простой и неприятной. А потом что-то произошло внутри головы: не голос, не образ — просто знание, которое мне досталось от Амена. Куда сместиться, как развернуть корпус, где будет наименьший урон.

Двадцать процентов успеха. Но это лучше нуля.

От двух я ушёл. Третье перерубил в прыжке.

Четвёртое достало по касательной.

Меня швырнуло в стену. Боль разлилась по рёбрам горячей волной, и на секунду мир стал белым, потом серым, по-

том вернулся в цвет.

Я сидел у стены и смотрел, как Громов, воспользовавшись тем, что тварь занята нами, подходит к эпицентру — туда, откуда росли щупальца. Он нагнулся над провалом в асфальте и бросил две гранаты.

Взрыв был глухой, подземный. Площадь качнулась.

Щупальца обмякли одновременно — все, разом — и осели, как верёвки, которые перестали тянуть.

Тишина.

Громов стоял у провала, с головы до ног залитый синей кровью. Он посмотрел на неё. Поднял руку, аккуратно провёл пальцем по предплечью. Попробовал на вкус.

Подумал секунду.

— Сладкая, — сообщил он. — Сегодня будет хороший ужин.

Я смотрел на него с земли и думал, что за несколько часов знакомства этот человек уже дважды меня удивил. Это было почти рекордом.

Он обернулся.

— Орлов. Целый?

— Рёбра целые. Остальное уточним.

— Встать можешь?

— Уже встаю.

Он подал руку. Я взял — просто потому что было быстрее, чем без неё.

Громов достал рацию.

— Цель ликвидирована. Группу зачистки и эвакуацию на площадь у «Центрального». — Убрал рацию, вытер нож о брючину. — На сегодня хватит. Завтра в семь, построение. Не опаздывать.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем просто взгляд командира на бойца.

— И ещё. — Он говорил коротко, без вступлений. — Подам рапорт на внеочередное звание. Старшина. Опыт у тебя есть — его нужно передавать.

Я открыл рот.

Он уже отвернулся.

Вот так это и работает в армии: тебя повышают тогда, когда ты только начал понимать, что происходит, и не спрашивают мнения, потому что ответ не важен.

Андрей смотрел на то, что осталось от нашего УАЗика.

Левый борт вдавлен внутрь так, что дверь больше не существовала как дверь. Крыша просела. Колесо смотрело не туда, куда должно.

— И за что она выбрала именно нашу машину, — сказал он с искренней тоской. — Вон их сколько было.

— Случайность.

— Случайность. — Он повторил это с интонацией человека, который в случайности не верит, но аргументов против нет. — Нам новую выдадут?

— Должны.

— Только бы не хуже прежней. Прежняя хотя бы ездила.

Мы побрели к уцелевшему второму УАЗику.

— Я сегодня не с тобой, — сказал я. — К Наташе.

Андрей помолчал секунды две. Ровно столько, сколько нужно, чтобы придумать что-нибудь.

— Удачи на любовном фронте, — сказал он и хлопнул меня по плечу.

Я еле сдержал стон — рёбра отозвались мгновенно.

— Спасибо, — выдавил я.

— Всегда пожалуйста.

«Пежо» стояла там, где я её оставил — перед Каиром, на стоянке у дома. Пыль легла ровным слоем на стекло, но сама машина была цела, что по нынешним временам было уже кое-чем. Клеммы аккумулятора были скинуты, что спасло ее во время прорыва магии. С третьей попытки двигатель завёлся — фыркнул, поворчал и согласился.

Я сидел в провалившемся кресле, которое давно нужно было поменять, и минуту просто не ехал.

Странный день. Первый рабочий день в новом отряде, первый бой в Москве, рёбра ноют, меня повысили не спросив, и я еду к девушке-археологу, которую знаю меньше суток, жить у которой предложила она сама. До Каира у меня была жизнь попроще.

Я тронул с места.

У Наташи на кухне было тепло.

Не показательно уютно, а просто — живое тепло жилого места, где человек действительно живёт, а не изображает

жизнь. Артефакты на полках, фотографии с раскопок, запах кофе и чего-то цветочного, которое я не мог идентифицировать и перестал пытаться. Вечернее солнце, добравшееся сюда через один незаклеенный пленкой угол окна, укладывало каштановые пряди её волос в рыжеватые нити.

Она поставила передо мной кружку и убирала руку без спешки, когда я её коснулся.

— В себя пришла? — спросил я.

— Почти. — Она улыбнулась — не наигранно, просто так.

— Закопалась в работу. С древними артефактами проще, чем с сегодняшними новостями. Они хотя бы не двигаются.

— Пока не двигаются.

Она посмотрела на меня.

— Ты это серьёзно?

— Нет. Наверное.

Она качнула головой, но улыбка осталась.

— Ты сказал, что из Каира. Я тоже там была — раскопки в пригороде, год назад.

— Серьёзно. — Я наклонился чуть ближе. — Зиккураты видела?

Глаза у неё ожили — тот огонёк, который я заметил ещё вчера в квартире, когда она взяла в руки камень с насечками.

— Ещё бы. Шумеры начали их строить в третьем тысячелетии до нашей эры, ассирийцы потом доработали концепцию. Ступенчатые, огромные — в них есть что-то, что никакая фотография не передаёт. Стоишь рядом и понимаешь,

что это строили не для людей. Для чего-то выше.

— Говорят, у нас в Империи тоже что-то похожее есть. Если хорошо поискать.

— Зиккуратов в классическом смысле нет. Но скифские курганы — похожая концепция. Связь места с небом, обожествление точки на земле.

Я достал снимки — те, что сделал в Каире, у структуры в пустыне. Положил на стол.

Она наклонилась. Плечо коснулось моего — легко, не намеренно.

От неё пахло кофе и теми самыми цветами, которые я никак не мог опознать.

— Вот, — сказал я. — Дюны и посередине — рукотворная гора.

— Ого. — Она взяла снимок. — Конструкция похожа, да. Но я никогда не слышала об этом сооружении в той части пустыни. Откуда оно?

— Местные бедуины не говорят о нём. Считают проклятым. Пропадают там люди.

Она подняла бровь.

— И ты полез.

— Я в проклятия не верю.

— Угу, — сказала она с интонацией, которая означала «это объясняет многое». — А что с курганом? Ты спрашивал про скифские.

— Есть один в Крыму. Интересное место, если верить

описаниям.

— В Крыму? — она на секунду задумалась. — Знаю, о каком ты. Добраться сейчас будет сложно.

— Ну я туда пока и не собираюсь. — хотя в голове все гуляла мысль, печатей было девять. Столько же артефактов и просто необходимо найти остальные. Если один мой обладал такой силой, другие тоже должны не уступать первому.

Она покачала головой. В уголках губ — то, что не совсем улыбка, но близко.

— Знаешь, для человека, который «просто увлекается» — ты слишком целеустремлённый.

— Это комплимент?

— Считай так. — Она отпила кофе. — По крайней мере со скучными сейчас точно не выжить.

Я рассказал ей про вчерашнего Артура. Коротко, без деталей, которые не нужны — взорванная дверь, артефактные ножи, ушли.

Она слушала внимательно. Не охала.

— Живи пока у меня, — сказала она, когда я закончил. — Комната пустует всё равно. И одной стало страшновато — за окном бродит непонятно что, а ты хотя бы знаешь, как с этим непонятным работать.

Я посмотрел на неё.

Она смотрела на меня прямо, без заигрывания — просто практично, как человек, который привык решать проблемы по мере их поступления и не видит смысла усложнять.

— Ладно, — сказал я.

— Вот и договорились. — Она встала за второй кружкой.

— Кофе ещё?

За окном темнело. Где-то вдалеке прошла техника — привычный уже гул, растворился между домами.

Я думал о том, что утром был инструктаж, потом «Кукольник» и тварь под землёй, потом рёбра о стену, потом повышение без спроса, и вот теперь — тихая кухня, кофе и человек напротив, который так мило говорит о шумерах

— Кофе, — сказал я. — крепкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.